

ромъ въ Курскѣ. Ея рѣдкостная красота привела его съ перваго же взгляда въ восхищеніе: она была не только хороша, но и замѣчательно симпатична.

Въ свою очередь, и онъ ей понравился при первой же встрѣчѣ съ ней. И подружился съ ней. И задумалъ жениться на ней.

— Но, какъ я скажу,—мучился онъ, когда рѣшилъ сдѣлать ей предложеніе,—какъ рѣшусь ей сказать, что я—крѣпостной мужикъ графа Волькенштейна?

Долго онъ крѣпился, одолеваемый сомнѣніями:

— Сказать или скрыть? А ну, какъ открою все, а она откажетъ отъ вѣнца?

А, вѣдь, онъ не на шутку задумалъ жениться на ней.

— Ну, какъ же мнѣ сказать, Господи? Страшно какъ!.. Если она при всей добротѣ окажется дѣвухой съ предразсудками? Что я буду дѣлать тогда? Какъ я съ такимъ горемъ буду жить?

Наконецъ, онъ рѣшился. Разсказалъ о своемъ происхожденіи. Разсказалъ интересныя свѣдѣнія изъ своего фамильнаго прошлаго.

Нѣкоторыя—и самыя существенныя изъ этихъ свѣдѣній—окажутся и для насъ новыми. Новыми и вмѣстѣ съ тѣмъ горькими картинами родной, слава Богу, отошедшей въ вѣчность, старины, крѣпостной старины.

— Родъ мой не совсѣмъ можно назвать крестьянскимъ,—говорилъ Щепкинъ, волнуясь, торопясь и, вслѣдствіе этого, запинаясь; попали мы „въ мужики“